

НОВЫЙ КУРС Ф.РУЗВЕЛЬТА В США

В двух прошлых лекциях мы подробно разобрали историю возникновения и развития реакционно-фашистского движения в Германии, внимательно проследили путь нацизма к власти и выяснили основные характерные черты нацистского режима как формы тоталитарной диктатуры. Мы установили, что в нацистской Германии была применена специфическая, реакционно-экстремистская модель государственного регулирования экономики и социальных отношений, которая стала особым, предельно жестким путем выхода из глубочайшего экономического кризиса 1929 - 1933 гг., принявшего в условиях Германии особенно тяжелый, особенно разрушительный характер.

Но эта реакционно-фашистская модель государственного регулирования была полностью дискредитирована чудовищными преступлениями тоталитарного режима, тем, что она несла с собой смертельную угрозу всей человеческой цивилизации. Вот почему эта реакционно-тоталитарная модель ассоциировалась в сознании основной массы населения с тупиковым вариантом решения тех кризисных явлений, которые обнаружились в XX в. в развитии капитализма.

Магистральным путем выхода из глубокого кризиса традиционного капитализма стал принципиально иной, либерально-реформаторский вариант, либерально-реформистская модель государственного регулирования. Именно по этому пути пошло развитие государственного регулирования экономики и социальных отношений в основных странах Европы и Америки после второй мировой войны. Классическим образцом либерально-реформистского варианта государственного регулирования уже в 30-х гг. XX в. стали Соединенные Штаты Америки в период Нового курса президента Франклина Рузвельта.

* * *

Исходный импульс к выбору либерально-реформистского пути выхода из кризиса традиционного капитализма в США дал глубочайший экономический кризис 1929 - 1933 гг. Именно Соединенные Штаты представили в 30-е гг. классическую картину развития экономического кризиса перепроизводства в условиях корпоративного капитализма.

Как же развивался кризис в США?

Начало экономического кризиса в Соединенных Штатах ассоциировалось с событиями знаменитого краха на нью-йоркской фондовой бирже в октябре 1929 г. В лекции по периоду стабилизации мы уже говорили о том, что во второй половине 20-х гг. в США произошло громадное

увеличение масштабов биржевых операций. Стоимость акций, котировавшихся на нью-йоркской фондовой бирже, увеличилась за пять лет, с 1924 по 1929 гг. с 27 млрд до 87 млрд дол., т. е. более чем втрое. К концу 20-х гг. это вызвало в стране настоящий биржевой ажиотаж. Игрой на бирже было охвачено тогда от 15 до 25 млн человек, т. е. от одной трети до половины всего самостоятельного населения США. Ясно, что в условиях столь сильного биржевого ажиотажа стремительный взлет котировки акций отражал не их действительную стоимость, а преувеличенные надежды вкладчиков на дальнейший рост курса акций. Это усиливало непрочность биржевой ситуации и создавало угрозу крупных финансовых потрясений.

Это и произошло осенью 1929 г.

24 октября 1929 г. в Соединенных Штатах началась беспрецедентная биржевая паника. В этот день на нью-йоркской фондовой бирже было продано 12,8 млн акций, т. е. в 1,5 раза больше, чем когда-либо ранее. Через несколько дней, 29 октября, был достигнут новый пик, когда было продано 16,4 млн. акций. Курс ценных бумаг на нью-йоркской бирже стремительно покатился вниз. Всего лишь за несколько недель стоимость акций, котировавшихся на фондовой бирже Нью-Йорка, упала до 55 млрд дол., т. е. более чем на треть. 32 млрд дол., вложенных акционерами в ценные бумаги, вылетели в трубу.

Но это было только началом. Падение курса акций продолжалось безостановочно почти три с половиной года. К марту 1933 г. их общая стоимость составила всего лишь 19 млрд дол., т. е. сократилась по сравнению с 1929 г. в 4,5 раза.

Биржевой крах октября 1929 г. был лишь одним из первых внешних проявлений глубочайших кризисных процессов, происходивших в капиталистической экономике. Уже с лета 1929 г. в Соединенных Штатах стали сказываться признаки кризиса перепроизводства, который быстро охватил промышленность, сельское хозяйство, финансовую систему и другие отрасли экономики, вызвав громадные потрясения во всей хозяйственной жизни страны.

Гигантская разрушительная сила экономического кризиса проявилась прежде всего в резком падении промышленного производства. По сравнению с докризисным уровнем 1929 г. ежегодный индекс общего объема промышленной продукции США составил в 1932 г., когда кризис достиг наибольшей глубины, всего 54 %. Помесячный индекс показал еще большее падение производства: в июле - августе 1932 г., в апогее кризиса, он составлял 47,3 % от уровня 1929 г., т. е. производство сократилось более чем вдвое.

По масштабам падения промышленного производства в начале 30-х годов Соединенные Штаты превзошли, как мы уже говорили, все другие страны капиталистического мира. Это объяснялось тем, что Америка стала в XX в. страной с наибольшим развитием и наибольшей силой

корпоративного капитала. Сокращение производства было в руках крупных корпораций главным средством поддержания монопольно высоких цен ради сохранения прибыльности производства. Не случайно самое сильное падение производства в годы кризиса имело место в наиболее монополизированных отраслях тяжелой промышленности. Например, летом 1932 г. месячный объем выплавки чугуна и стали, а также выпуска автомобилей в США составил лишь 15-16% от уровня 1929 г, т. е. упал в 6-7 раз. Из 285 доменных печей, числившихся тогда в стране, летом 1932 г. действовало только 46.

Огромных размеров достигла в начале 30-х гг. недогрузка производственного аппарата. По данным обследования, проведенного тогда группой американских экономистов, промышленность США в том случае, если бы ее наличное оборудование и занятая в ней рабочая сила использовались полностью, могла бы за период 1929 - 1933 гг. дополнительно дать продукции на 287 млрд дол. Это была огромная сумма: она почти в три раза превышала размеры валового национального продукта США в 1929 г.

Невероятно тяжелы были социальные последствия кризиса. Он вызвал колоссальный рост безработицы. По данным официальной статистики, в начале 1933 г. в Соединенных Штатах было около 13 млн полностью безработных. В левых кругах эти официальные данные расценивались как сильно заниженные. По оценке леворадикальной организации экономистов - Ассоциации по исследованию проблем труда, число безработных в США достигло к началу 1933 г. 17 млн.

Это означало, что в период сильнейшего обострения экономического кризиса треть рабочей силы страны полностью лишилась работы. Очень широкое распространение получила частичная безработица. По данным Американской федерации труда, в 1932 г. полностью занятыми остались только 10% рабочих. По выражению одного из современников, в начале 30-х гг. "безработица стала постоянный чертой американской жизни".

Резко ухудшилось и положение тех, кому посчастливилось сохранить работу. Они постоянно испытывали гнетущее чувство неуверенности в завтрашнем дне. За счет снижения ставок и неполной занятости общий фонд заработной платы американских рабочих сократился за годы кризиса примерно на 60%.

Очень тяжелым было и положение фермеров. С наступлением экономического кризиса произошло новое громадное обострение кризиса перепроизводства в сельском хозяйстве. Цены на важнейшие продукты земледелия и животноводства упали в два, три, а то и более раз.

Поскольку цены на товары монополизированной промышленности снизились гораздо меньше, покупательная сила сельскохозяйственных товаров сократилась намного сильнее, чем абсолютный уровень сельскохозяйственных цен. Летом 1932 г. она была в 8-10 раз меньше, чем в 1929 г. Это привело к массовому разорению фермеров. За четыре года

кризиса было принудительно распродано за неуплату долгов и налогов около 900 тыс. фермерских хозяйств, т. е. 15% их общего числа в стране.

Экономический кризис с огромной силой ударил по банковской системе США. За 1929-1933 гг. прекратили существование 5800 банков, т. е. более 1/5 их общего числа, с суммой депозитов более чем в 3,5 млрд дол. Наибольшей силы финансовый кризис в стране достиг в февралемарте 1933 г., когда вся банковская система США практически перестала функционировать. Миллионы мелких вкладчиков теряли свои последние сбережения и превращались в нищих.

Но важнейшей особенностью положения Соединенных Штатов в период экономического кризиса 1929-1933 гг. было не только то, что кризис приобрел там громадную глубину и разрушительную силу, но и то, что психологическое воздействие кризиса на население страны и на массовое сознание оказалось гораздо сильнее, чем в других странах развитого индустриального общества. Чем это объяснялось?

Прежде всего, нигде, пожалуй, в начале 30-х гг. не было такого громадного контраста с положением до 1929 г., как в Соединенных Штатах. Мы уже говорили о том, что в период стабилизации 20-х гг. в США произошло значительное улучшение положения основных слоев населения. На этой основе активная пропаганда благ американского "процветания" в средствах массовой информации оказывала сильное влияние на массовое сознание, закрепляла в менталитете американцев чувство уверенности в прочности стабилизации, уверенности в будущем. Вслед за официальной пропагандой миллионы рядовых американцев повторяли, что они верят в творческие возможности корпоративного бизнеса, в "капитанов индустрии", что на страже американского "процветания" стоят президент Кулидж, "величайший со времен Александра Гамильтона" министр финансов Эндрю Меллон, "великий инженер" Герберт Гувер. Вера в незыблемую прочность финансово-банковской системы США занимала в менталитете американцев особое место. Не случайно для показа высокого материального благосостояния человека часто употреблялось выражение: он "прочен, как банк".

И вот с наступлением кризиса все это рассыпалось как картонный домик. Квалифицированный рабочий, который совсем недавно имел высокооплачиваемую работу, солидные сбережения в банке, жил в собственном доме, ездил в собственном автомобиле, терял работу и изо дня в день с отчаянием видел, как тают его сбережения, как рассыпается его благополучие и он теряет все, что было заработано многолетним трудом. Мелкий торговец или служащий, вложивший свои сбережения в ценные бумаги акционерных компаний, вместе с крахом этих фирм терял все и превращался в нищего бродягу. Фермер, хотя и испытывавший трудности даже в период "процветания", но все же имевший собственное хозяйство и гордившийся своей независимостью, не мог регулярно уплачивать долги и налоги, и ферма его продавалась с молотка.

В сознании всех этих людей наступление экономического кризиса, который разрушил все, что у них было, производило впечатление какой-то "космической катастрофы". Они ощущали себя, как при землетрясении: у них буквально земля разверзалась под ногами. А удары кризиса сыпались на них месяц за месяцем, год за годом, создавая впечатление полнейшей безнадежности.

Более сильное, чем в других странах, психологическое воздействие кризиса на массовое сознание объяснялось, кроме того, господством индивидуализма в менталитете большинства американцев. А это порождало у них убеждение в том, что их благосостояние зависит только от них самих.

Индивидуалистический характер массового сознания американцев имел давнюю традицию. Он вел свое происхождение от раннего пуританизма, от кальвинистского учения о предопределении. Бог всемогущ, гласила эта доктрина. Он определяет судьбу каждого человека. Одних он предопределяет к спасению, других - к проклятию. На каком основании происходит это избрание, непостижимо для человека. Поэтому человек своими собственными делами должен заслужить быть избранным к спасению.

Кальвинистская доктрина обусловила очень сильное распространение в Соединенных Штатах так называемой "протестантской этики", убеждения в том, что благосостояние человека зависит лишь от его личного вклада, от его способностей к предпринимательству, к деловой инициативе. Господство "протестантской этики" в менталитете американцев сыграло большую позитивную роль в быстром развитии капитализма в Соединенных Штатах. Но в то же время оно создавало основу для распространения и оправдания реакционных форм индивидуалистической идеологии.

В условиях экономического кризиса начала 30-х гг. господство индивидуализма в массовом сознании играло крайне негативную роль. Вину за катастрофическое ухудшение положения американцы возлагали не столько на действие объективных социально-экономических процессов, сколько на собственные изъязны каждого человека. А результатом этого была атрофия воли, особо трудный путь к постижению реальных возможностей выхода из чрезвычайной ситуации.

Наконец, итогом долголетнего господства индивидуалистической идеологии было полное отсутствие в Соединенных Штатах, опять-таки в отличие от основных стран Европы, системы социальной защищенности населения, в том числе и системы социального страхования. Конечно, в условиях стабилизации 20-х гг. нужда в этой системе ощущалась не столь остро. Но с наступлением кризиса создание этой системы стало настоятельной необходимостью, ибо в этой богатейшей стране мира сотни тысяч людей превратились в нищих, бездомных и голодных бродяг, скитавшихся по стране в поисках работы и пропитания. У помещений немногочисленных бирж труда скапливались многотысячные толпы

безработных, большинство которых после многочасовых ожиданий были вынуждены уходить без всяких надежд на получение хотя бы временной работы. Это вело к многочисленным жизненным трагедиям. Об одной из них писал в 1931 г. корреспондент журнала "New Republic".

"22-летний мужчина, - рассказывал он, - ходит изо дня в день по улицам Нью-Йорка в поисках работы. У него нет жилья, он лишился его, так как не мог платить за квартиру. Хозяин задержал у себя все его имущество до уплаты долга, а надежды на это нет. "Я всегда уважал частную собственность, - с горечью произносит этот человек, - но я не могу больше видеть, как богачи сидят в шикарных ресторанах и разъезжают в роскошных автомобилях. Я только что вышел из больницы: уже второй раз у меня случился голодный обморок, когда я стоял в очереди, надеясь получить работу. Я не могу больше выдерживать такую жизнь!" Я посмотрел ему в глаза, полные слез, - продолжал корреспондент. - Не нужен был врач, чтобы определить его болезнь. Этот человек был на краю физической и моральной катастрофы. Самоубийство, преступление, безумие, - вот что ему обещало будущее".

И в этой богатейшей стране мира многие оказывались перед реальной угрозой голодной смерти. Только в Нью-Йорке зимой 1931 - 1932 гг. было зарегистрировано около двух тысяч случаев смерти от голода.

Чрезвычайность ситуации, сложившейся в Соединенных Штатах в годы кризиса, еще более усугублялась реакционным курсом политики федерального правительства. Мы уже говорили о том, что в течение всего периода 20-х гг. политика республиканской администрации основывалась на идеологии "твердого индивидуализма". Особенно последовательно отстаивали этот ультраконсервативный курс представители "старой гвардии" республиканцев во главе с Кулиджем и Меллоном, которые категорически отрицали возможность какого-либо вмешательства государства в дела бизнеса и ставили перед правительством единственную задачу - создать максимально благоприятные условия для бесконтрольного хозяйничанья крупных корпораций.

Однако даже в условиях "просперити" этот вариант индивидуалистической идеологии, близкий к социал-дарвинизму, казался анахронизмом многим более современно мыслящим группам корпоративного капитала и его политическим представителям. В противовес этому курсу они выдвигали другой вариант индивидуалистической идеологии - теорию "регулируемого индивидуализма". Сторонники этого политического курса, и в первую очередь Герберт Гувер, занимавший в 20-х гг. пост министра торговли, тоже выступали против государственного регулирования, против прямого вмешательства государства в дела бизнеса. Но в отличие от республиканской "старой гвардии" они осуждали и политику абсолютного невмешательства государства в социально-экономическую сферу. Они выдвигали курс на создание системы "саморегулирования бизнеса", системы поощрения государством "ассоциативных действий"

различных экономических групп общества с целью достижения наилучших условий производства и сбыта и проведения политики "социального партнерства".

Этот политический курс и пытался проводить Г. Гувер, став в 1929 г. президентом США. Правда, в первые месяцы кризиса и сам Гувер, и члены его кабинета отрицали наличие серьезного кризиса. Они уверяли американцев, что Соединенные Штаты переживают не кризис, а временную заминку, что экономический механизм страны здоров, а испытываемые ею затруднения порождены не внутренними причинами, а влиянием Европы и тех неблагоприятных явлений в международной кредитной ситуации, которые были созданы первой мировой войной.

Но даже тогда, когда суровая действительность заставляла президента и его коллег признавать серьезность экономической ситуации, Гувер и деятели его кабинета утверждали, что кризисные явления в экономике должны преодолеваются не усилиями федерального правительства, а действиями бизнеса и других экономических групп.

Так, в сентябре 1930 г. в послании конгрессу Гувер заявлял: "Экономическая депрессия не может быть ликвидирована действиями законодательных органов или распоряжениями административных учреждений. Экономические раны залечиваются действиями клеток экономического организма - самими производителями и потребителями. Для восстановления экономики необходимы их кооперативные усилия". "Наилучшим вкладом правительства" в решение этих проблем, утверждал президент, является "поощрение этого добровольного сотрудничества на местах".

Как же выглядели эти декларации в конкретной политической практике республиканской администрации? В соответствии с курсом на поощрение "добровольной кооперации экономических групп" Гувер в ноябре 1929 г., при первых же признаках значительного ухудшения экономической конъюнктуры, провел серию консультаций с лидерами делового мира. Президент убеждал представителей корпоративного бизнеса не прибегать к узкокорыстным мерам, не свертывать производство, не увольнять рабочих и сохранять прежний уровень заработной платы. Со своей стороны Гувер добился от руководства Американской федерации труда официального отказа от стачек на период кризиса во имя достижения "национального единства".

Однако лидеры корпоративного бизнеса не проявили большого энтузиазма по отношению к призывам президента. Это и понятно: ведь в своих действиях они по-прежнему руководствовались интересами извлечения прибыли. Поэтому сокращение производства, увольнения и снижение заработной платы периодически производились то в одной, то в другой отраслях промышленности. Когда же осенью 1931 г. наступило новое углубление экономического кризиса, "U. S. Steel Corporation" и другие гиганты монополистического бизнеса официально заявили, что они

пойдут на значительное сокращение ставок заработной платы, а их примеру последовали и остальные фирмы.

В условиях кризиса с особой силой проявилась антинародная сущность правительственной политики. Гуверовская администрация категорически отвергала любые предложения о государственной помощи безработным и особенно о введении системы социального страхования. Как правило, эти функции возлагались на частную благотворительность и лишь в исключительных случаях признавалась возможность использования средств муниципалитетов и штатов. Все планы федеральной помощи безработным вплоть до лета 1932 г. категорически отвергались. Только в июне 1932 г., в обстановке избирательной кампании, был, наконец, принят закон о выделении 300 млн дол. для непосредственной помощи безработным и 322 млн дол. на займы штатам для организации общественных работ. Но эти проекты реализовались крайне медленно: до конца 1932 г. было выделено только 30 млн дол. Это была буквально капля в море.

Окончились провалом и попытки практического осуществления курса на кооперативные действия экономических групп. Раньше всего эти попытки были предприняты в сельском хозяйстве. В июне 1929 г. был принят закон о создании Федерального фермерского управления, которое сразу же приступило к выдаче займов фермерским кооперативам для скупки ими излишков сельскохозяйственной продукции. Когда эти операции оказались неэффективными, фермерское управление само приступило к массовой скупке пшеницы, хлопка и других сельскохозяйственных товаров. Однако сосредоточение крупных товарных запасов на правительственных складах без всякой надежды на их выгодный сбыт все время оказывало сильное деморализующее влияние на сельскохозяйственный рынок. Когда же во второй половине 1931 г. фермерское управление прекратило закупки и начало массовую распродажу накопленных запасов, это привело к полнейшей дезорганизации сельскохозяйственного рынка и к еще большему ухудшению положения фермеров.

Столь же безуспешными оказались и попытки правительства побудить к кооперативным действиям корпоративные промышленно-финансовые группы. Осенью 1931 г. президент Гувер выступил с инициативой создания Национальной кредитной корпорации с капиталом в 500 млн дол., который предполагалось собрать за счет добровольных взносов банковских групп. Однако эта затея организации своеобразной системы взаимопомощи окончилась полным крахом. Владельцы крупнейших банков вовсе не намерены были расходовать средства на помощь своим коллегам, попавшим в затруднительное положение и оказавшимся перед угрозой банкротства.

Тогда на спасение монополистических финансовых учреждений были брошены крупные государственные средства. В январе 1932 г. конгресс принял закон о создании Реконструктивной финансовой корпорации с

капиталом в 2 млрд дол. Вся эта сумма в течение года была распределена в форме субсидий и займов банкам, страховым и ипотечным компаниям, железнодорожным фирмам и другим корпоративным объединениям. Таким образом, даже тогда, когда реальный ход событий заставлял правительство Гувера, вопреки исповедуемым президентом индивидуалистическим канонам, соглашаться на использование средств государственного бюджета, это государственное вмешательство принимало форму не экономического регулирования, а государственного субсидирования крупного корпоративного бизнеса.

В сфере социальной политики, в сфере материальной помощи трудящимся республиканская администрация не предприняла практически ничего.

Неудивительно, что в этой чрезвычайной обстановке в Соединенных Штатах вновь развернулась волна массовых движений социального протеста. Правда, на первых порах массы рядовых американцев были повергнуты в сильнейший психологический шок. К тому же в условиях кризиса реальные возможности сопротивления реакционному правительственному курсу были до крайности затруднены. Вот почему, например, стачечное движение американских рабочих, до наступления кризиса не отличавшееся большим размахом, после первых же его ударов ослабло еще больше. В 1930 г. в стране бастовало только 183 тыс. рабочих. Давно уже стачечное движение в США не опускалось до столь низкого уровня.

Лишь постепенно, с трудом население страны преодолевало оцепенение, апатию, атрофию воли. Сама жизнь ставила перед рядовыми американцами, которых кризис лишил всего, чем они обладали, реальный выбор: либо борьба, либо голодная смерть. Поэтому уже в первые месяцы экономического кризиса в Соединенных Штатах развернулось массовое движение безработных. Руководящую роль в этом движении играли коммунисты. В 1930 - 1931 гг. в различных районах страны прошли многочисленные демонстрации и голодные походы безработных под лозунгами немедленной помощи безработным и введения системы социального страхования. Под руководством компартии дважды, в 1931 и 1932 гг., были проведены национальные голодные походы на Вашингтон.

Другим важным событием классовой борьбы в США стал поход ветеранов первой мировой войны на Вашингтон летом 1932 г. В столице собралось около 25 тыс. ветеранов и членов их семей, которые все более настойчиво требовали помощи. Вместо этого правительство обрушилось с репрессиями. Участников похода разогнали, а временный лагерь, где они разместились, сожгли. Все ветераны были силой выдворены из Вашингтона. Эта расправа вызвала сильную волну возмущения по всей стране.

Движениями социального протеста были охвачены и широкие слои фермерства. Важнейшим средством борьбы стало движение фермерского бойкота, т. е. организованный отказ фермеров от продажи сельскохозяйст-

венной продукции с целью добиться повышения цен на нее. В августе-сентябре 1932 г. в штатах Среднего Запада развернулись массовые фермерские забастовки. На дорогах, ведущих в города, появились забастовочные пикеты, которые не пропускали машины, подвозившие сельскохозяйственную продукцию на скупочные пункты монополистических посреднических фирм. Власти мобилизовали против бастующих фермеров крупные полицейские силы. Но это только подлило масла в огонь. На подступах к ряду городов участились вооруженные столкновения фермеров с полицией и охранными отрядами, созданными руководством посреднических фирм. Борьба длилась более двух месяцев. Путем угроз, насилия и обещаний властям удалось ослабить фермерскую забастовку и добиться ее прекращения.

Однако фермерство продолжало борьбу. Зимой 1932 - 1933 гг. в различных районах страны развернулось массовое сопротивление принудительной распродаже фермерской собственности за неуплату долгов и налогов. К весне 1933 г. борьба достигла наибольшего размаха. Все большую популярность стала приобретать идея проведения общенациональной фермерской забастовки, чтобы заставить федеральное правительство оказать фермерам необходимую помощь.

Крупные изменения произошли в годы кризиса и в массовом сознании. Представители корпоративного бизнеса, те, кто еще совсем недавно рекламировался как "капитаны индустрии" и "творцы процветания", были полностью дискредитированы. Они вновь стали объектом острой критики. Более того, в период самого сильного обострения экономического кризиса в сознание значительной части американцев стали закрадываться сомнения в разумности и справедливости самой капиталистической системы. "Капитализм подвергся сейчас испытанию, и он его не выдержал, - говорилось, например, на собрании одной из церковных общин в штате Огайо в сентябре 1932 г. - Экономическая система, при которой погоня за прибылью ведет к разрушению благосостояния народа, должна быть либо полностью отброшена, - либо фундаментально изменена".

Столь же радикальные оценки, отражавшие глубокий кризис традиционного капитализма, звучали иногда и в выступлениях представителей интеллектуальной элиты Америки. Так, в статье, опубликованной в марте 1933 г. в журнале "World Tomorrow" под характерным заголовком "После капитализма - что?", виднейший протестантский теолог Рейнгольд Нибур писал: "Капитализм умирает, потому что его экономическая основа пришла в противоречие с индустриальным строем, базирующимся на массовом производстве... И он должен умереть, ибо он показал полную неспособность сделать богатства, творимые современной технологией, доступными тем, кто их создает".

Конечно, лишь в немногих случаях разочарованные американцы выражали недовольство существующим строем в столь четкой форме.

Гораздо чаще их антикапиталистические настроения были очень смутными и неопределенными. Тем не менее в начале 30-х гг. в среде радикальной интеллигенции, в левых группах движения социального христианства, а затем и в массах рядовых американцев стало распространяться убеждение в необходимости замены общества, основанного на извлечении прибыли, новым, так называемым "кооперативным обществом", рассчитанным на достижение "всеобщего блага". Дальнейшее развитие этих идей нередко приводило тогда участников радикальных групп демократического движения к активному восприятию социалистического идеала, пропагандируемого социалистами и коммунистами.

В этой чрезвычайно напряженной политической обстановке началась избирательная кампания 1932 г. Предвыборная платформа, выдвинутая республиканской партией, показала, что лидеры республиканцев не намерены вносить никаких существенных изменений в свою политику. В платформе не было ничего, что могло бы облегчить бедственное положение народа. Напротив, своей приверженностью принципам бездефицитного бюджета республиканцы еще раз подтвердили отрицательное отношение к требованиям увеличения государственных социальных расходов. По сути дела, они ограничили свою предвыборную кампанию восхвалением "заслуг" президента Гувера и агитацией за его переизбрание. Неудивительно, что это создало еще более неблагоприятный для правящей партии психологический климат. Когда же в июле 1932 г. всю страну облетело известие о расправе над ветеранами войны, произведенной по личному приказу президента, позиции республиканцев в предвыборной борьбе стали безнадежно слабыми.

Положение демократической партии на выборах 1932 г. было несравненно более благоприятным. Находясь в оппозиции, лидеры демократов могли возлагать всю ответственность за разрушительный кризис и вызванные им бедствия народа на правящую республиканскую партию. И они не без успеха пользовались этим средством. Но все же одной лишь разоблачительной риторики было мало для привлечения на сторону демократов широких масс избирателей. Для того чтобы закрепить их отход от республиканцев и расширить свою социальную базу, демократам надо было выработать конструктивную альтернативу политическому курсу республиканской партии. Между тем официальная платформа демократической партии на выборах 1932 г. оказалась очень расплывчатой, а иногда даже поразительно созвучной с предвыборными декларациями республиканцев. Отказ демократов от выдвижения четкой альтернативы политике гуверовской администрации ослаблял их позиции в предвыборной борьбе.

Эта опасность не могла не осознаваться более дальновидными деятелями демократической партии. К их числу относился и кандидат демократов на пост президента США - губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт. Он хорошо понимал, что для завоевания симпатий широких масс избирателей, а значит и для победы на выборах,

надо выработать и выдвинуть более гибкий политический курс. Этой цели и служил выдвинутый Ф. Рузвельтом лозунг Нового курса. В своих предвыборных выступлениях кандидат демократов обещал начать проведение реформ в пользу миллионов "забытых американцев", и это не могло не привлечь внимание избирателей.

Правда, в исторической литературе нередко высказывается мнение, что предвыборная агитация Рузвельта не оказала сколько-нибудь существенного влияния на ход и результаты избирательной кампании 1932 г. Утверждается, что шансы республиканцев в 1932 г. были настолько безнадежными, что демократическая партия могла без особого риска выдвинуть любого кандидата, лишь бы им не был Гувер, и что большинство избирателей голосовало на этих выборах не за Рузвельта, а против Гувера.

Такая точка зрения не раз высказывалась и в ходе самой кампании 1932 г. Говорилось о том, что программа Ф. Рузвельта, если она у него и была, ничем принципиально не отличалась от программы Гувера, что выдвинутый кандидатом демократов лозунг Нового курса - всего лишь декларация, не подкрепленная конкретной программой действий. На этом основании некоторые политические обозреватели отказывались в 1932 г. считать Ф. Рузвельта крупным политическим деятелем. Вот как, например, весной 1932 г., в начале избирательной кампании, оценивал личность Ф. Рузвельта даже такой опытный журналист и проницательный политический обозреватель, каким был Уолтер Липпман: "Рузвельт - человек настроения, у него нет твердых убеждений. У него есть добрые намерения, но он хочет их осуществить, не вступая в конфронтацию ни с кем. Поэтому Франклин Рузвельт - это всего лишь приятный джентльмен, который, не имея на то достаточной квалификации, очень хочет стать президентом".

Бесспорно, что даже в самом начале избирательной кампании 1932 г. такая оценка была чересчур пристрастной и явно необъективной. К этому времени Ф. Рузвельт уже достаточно прочно вошел в число влиятельных лидеров демократической партии. Заняв в 1928 г. престижный пост губернатора штата Нью-Йорк, он раньше, чем большинство его партийных коллег, понял необходимость существенной корректировки политического курса демократов. Но все же вплоть до 1932 г. Рузвельт не считался бесспорным "человеком номер один" среди лидеров демократической партии, и, пожалуй, мало кто мог тогда вообразить возможность его последующей блистательной политической карьеры.

Однако именно в 1932 г. и начался этот крутой взлет политической карьеры Франклина Рузвельта, который очень быстро выдвинул его в число выдающихся деятелей американской истории. Уже в ходе предвыборной кампании Рузвельт проявил свой незаурядный талант искусного политика, умевшего соединять стойкие либеральные убеждения, закрепленные всей его предшествующей политической деятельностью. с

чувством нового, с пониманием необходимости экспериментировать, рвать с устаревшими традициями, а с другой стороны, с прагматизмом, со способностью к искусному маневрированию, к компромиссу.

Весь тон предвыборных выступлений Рузвельта был резким контрастом тону речей Гувера. Если Гувер постоянно оправдывался, уверял избирателей в том, что его политический курс верен и не принес успеха только из-за неблагоприятной ситуации в мировой экономике, то Рузвельт звал к смелому экспериментированию, к решительным действиям правительства. "Страна нуждается в переменах, - говорил он в одной из своих речей еще в самом начале избирательной кампании, - и, если я правильно понимаю ее настроение, настойчиво требует смелых экспериментов. Здравый смысл подсказывает необходимость выбрать какой-нибудь метод и испытать его. Если он окажется неудачным, надо честно признать это и попробовать другой способ. Но главное - надо действовать. Миллионы нуждающихся не будут вечно молчаливо терпеть, когда все необходимое для удовлетворения их нужд налицо".

Конечно, в 1932 г. у Рузвельта не было, да, вероятно, и не могло быть четко разработанной программы Нового курса. Но через все его предвыборные выступления красной нитью проходила идея активного государственного регулирования с целью изменения распределительного механизма американской экономики и обеспечения социальной защиты "забытого американца у подножья экономической пирамиды". Вопрос о том, каким путем надо осуществить эти идеи, Рузвельт вполне сознательно откладывал на будущее. Ему важно было показать свое принципиальное отличие от Гувера, упорно твердившего о незыблемости индивидуалистических канонов.

В предвыборных речах кандидата демократической партии иногда высказывались даже более смелые и весьма необычные для того времени идеи. Так, совершенно по-новому ставилась им проблема соотношения между правами человека и ответственностью государства.

В программной речи в Сан-Франциско 23 сентября 1932 г. Рузвельт заявил о необходимости "экономического планирования" в целях "более справедливого распределения богатств и товаров и приспособления существующей экономической организации к нуждам народа". Развивая эту тему, Рузвельт говорил, что в новых условиях XX в. необходимо дополнить положения Декларации независимости о защите естественных и неотчуждаемых прав человека провозглашением "декларации экономических прав". "Каждый человек имеет право на жизнь, - утверждал он, - а это значит, что нельзя отрицать и его права на достаточно обеспеченные жизненные условия... Правительство должно дать каждому человеку возможность добиться своим трудом обладания необходимой для его нужд части общественного богатства... Если для обеспечения этого права человека надо ограничить собственнические права спекулянта, манипулятора, финансиста, я считаю такое ограничение

совершенно необходимым". В этих рассуждениях Рузвельта было дано теоретическое обоснование предоставления государству широких социальных функций. В них содержалась, по сути дела, программа создания системы государственной социальной защиты членов общества.

Разумеется, необходимость следовать весьма традиционным официальным рекомендациям платформы партии нередко придавала речам кандидата демократов черты непоследовательности и противоречивости. Но это также было частью тактического курса Рузвельта в ходе предвыборной кампании. Ведь ему необходимо было объединить вокруг себя все долгое время враждовавшие между собой фракции демократической партии, а значит и слои населения, шедшие за ними, завоевать голоса избирателей с весьма различными взглядами.

Гибкая тактика кандидата демократов, значительно меньшая его обремененность индивидуалистическими путями, провозглашенный им курс на смелое экспериментаторство и либеральные реформы - все это в обстановке усиливавшегося недовольства избирателей политикой республиканской администрации обеспечило Рузвельту убедительную победу на выборах. За него голосовало в 1932 г. около 23 млн избирателей, что дало ему 472 выборщика, тогда как Гуверу удалось получить только около 16 млн голосов и всего лишь 59 выборщиков. Демократы завоевали большинство в обеих палатах конгресса.

Однако до вступления нового президента в должность оставалось еще четыре месяца. Экономический кризис в стране бушевал с неослабевающей силой, и конца ему не было видно. Вслед за кратковременным улучшением экономической конъюнктуры наступило очередное углубление кризиса, и помесичный индекс промышленного производства, поднявшийся было в октябре 1932 г. до 54,9% уровня 1929 г., к февралю 1933 г. вновь упал до 50,8% этого уровня. Еще большее потрясение в стране вызвал начавшийся в феврале 1933 г., в последние недели, а затем и в дни республиканского правления полный развал банковской системы, которая фактически перестала функционировать. Банковская катастрофа практически парализовала экономическую жизнь страны. В этой чрезвычайной обстановке все слои американского общества жаждали действия. Представители делового мира готовы были поддержать любые меры, способные остановить дальнейший развал экономики и вдохнуть новые силы в капиталистическую систему. С мольбой и надеждой смотрели на Белый дом и миллионы рядовых американцев. Они хотели видеть нового президента полным уверенности, оптимизма и энергии.

Именно таким и показал себя Франклин Рузвельт 4 марта 1933 г. в своей официальной речи при вступлении на пост президента. Ее лейтмотивом было обещание самых энергичных действий по борьбе с кризисом. Для успеха в этой борьбе, заявил он, необходимо "предоставить исполнительной власти такие же широкие полномочия, какие были бы даны президенту, если бы внешний враг вторгся в нашу страну".

С первых же дней после своего прихода к власти правительство Рузвельта приступило к проведению целой серии чрезвычайных мер.

Уже 9 марта 1933 г. оно созвало специальную сессию конгресса, работа которой продолжалась более трех месяцев. Конгресс принял множество законов, которые охватили в совокупности все стороны экономической и социально-политической жизни Соединенных Штатов. Так уже в течение “первых ста дней” деятельности президента Рузвельта были заложены основы политики, явившейся конкретной реализацией выдвинутого им лозунга Нового курса.

Одной из важнейших задач политики Нового курса на первом этапе ее развития (1933-1934 гг.) было сохранение и максимально возможное укрепление корпоративной структуры американской финансово-экономической системы. В чрезвычайных условиях кризиса Рузвельт вполне сознательно отказался от всякой антимонополистической риторики и взял курс на прямое сотрудничество с крупным корпоративным бизнесом с целью оздоровления экономики и укрепления основ капиталистического строя.

Однако выполнение этой задачи было невозможно без внесения крупных изменений в структуру традиционного капитализма, без создания системы социальной защиты населения, рассчитанной на укрепление социальной стабильности общества. Поэтому уже на первом этапе Нового курса администрация Рузвельта направила свои усилия на проведение ряда либеральных реформ с целью расширения социально-политических прав рабочих, фермеров, городских средних слоев.

Практические действия администрации Рузвельта на первом этапе Нового курса как раз и характеризовались этой двойственностью, соединением двух различных, но в то же время тесно взаимосвязанных направлений социально-экономической политики. В какой-то мере эта двойственность была результатом того, что, действуя в чрезвычайной обстановке, правительство Рузвельта вынуждено было руководствоваться при выборе приоритетов своего политического курса не четко разработанной теоретической программой реформ, а наиболее настоятельными нуждами текущего момента, требующими немедленного реагирования. Однако этот несомненный прагматизм политика Рузвельта, на который обычно делается упор во многих исследованиях, вовсе не исключал четкой руководящей идеи первого этапа Нового курса. Она заключалась в том, чтобы средствами активного государственного регулирования добиться преодоления кризиса, укрепить основы существующего строя, создать в стране обстановку социального мира и обеспечить рузвельтовской администрации имидж поборника общенационального единства.

Эта двуединая линия на сочетание мер, рассчитанных на укрепление позиций крупного корпоративного капитала, и некоторых, хотя на первых порах весьма ограниченных шагов по пути либеральных социальных реформ четко просматривалась во всех направлениях социально-экономической политики правительства Рузвельта на первом этапе Нового курса.

В сфере финансово-банковской политики приоритет сразу же был отдан мерам в пользу крупного капитала, хотя, конечно, в спасении банковской системы от полного краха и в возобновлении ее нормального функционирования так или иначе были заинтересованы все американцы.

Уже 6 марта 1933 г. появилось правительственное распоряжение о временном закрытии всех банков страны. Через несколько дней, 9 марта, в первые же часы специальной сессии конгресса правительство Рузвельта добилось принятия чрезвычайного банковского акта. По условиям этого акта, право на открытие и получение государственного займа имели только "здоровые" банки, которыми на практике оказывались, как правило, крупные банки. Операции Реконструктивной финансовой корпорации, за счет средств которой производилась выдача финансовых ссуд банкам, были значительно расширены. За первые два года Нового курса общая сумма займов РФК превысила 6 млрд дол. Неизбежным результатом этих операций была ликвидация примерно 5 тыс. мелких банков, не получивших никаких правительственных субсидий, и дальнейшая концентрация банковской системы. К середине 30-х гг. из 25 тыс. банков, функционировавших в Соединенных Штатах в 1929 г., осталось только 15 тыс.

Кроме проведения чрезвычайного банковского акта, правительство Рузвельта на первом этапе Нового курса осуществило еще ряд важных мер в финансово-банковской сфере. Это было крайне необходимо, ибо даже после создания в 1913 г. Федеральной резервной системы банковская структура США оставалась гораздо более раздробленной и децентрализованной, чем банковская структура основных стран Западной Европы. Необходимо было реформировать ее в соответствии с потребностями экономики высокоразвитого индустриального общества.

С этой целью правительство Рузвельта осуществило ряд мер по централизации финансово-банковской системы США. Оно сосредоточило в руках государства весь золотой запас страны, изъяло золото из обращения и запретило свободный обмен бумажных денег на золото. В апреле 1934 г. оно девальвировало доллар, понизив его золотое содержание примерно на 40%. Роль государства в банковской системе была значительно усилена. Руководящие органы Федеральной резервной системы получили дополнительные контрольные полномочия, а представительство в них федеральных властей было расширено.

Все эти меры были направлены главным образом на увеличение финансовых ресурсов государства и на усиление его регулирующих

функций. Но одновременно с этим были приняты меры к успокоению мелких акционеров и вкладчиков. В июне 1933 г. через конгресс был проведен закон Гласса - Стигала, который строго разграничил депозитные и инвестиционные функции банков. Коммерческим банкам было запрещено использовать вклады их клиентов для игры на бирже. Тем самым был поставлен известный барьер спекулятивным операциям.

Вводилось также страхование банковских вкладов. По отношению к мелким вкладчикам были введены предпочтительные условия страхования: 100%-ное для вкладов, не превышавших 10 тыс. дол., и частичное для вкладов более крупных размеров. Одновременно правительство Рузвельта добилось значительного упорядочения операций на фондовых биржах. С целью ограничения биржевых спекуляций, принявших поистине скандальный характер в годы "просперити"; была создана специальная Комиссия по торговле акциями, которой было поручено регулировать операции фондовых бирж и следить за тем, чтобы строго соблюдались установленные законом правила выпуска и распространения акций.

Явным приоритетом при определении характера государственного регулирования промышленности также пользовались круги крупного корпоративного капитала. Центральное место в этом направлении социально-экономической политики администрации Рузвельта на первом этапе Нового курса занял Национальный закон о восстановлении промышленности (НИРА), который был принят 16 июня 1933 г., в последний день специальной сессии конгресса. Не случайно в основу этого закона был положен план, предложенный еще в 1931 г. президентом фирмы "General Electric" Джерардом Своупом и одобренный затем Торговой палатой США. В соответствии с ним всем ассоциациям предпринимателей было предложено выработать так называемые кодексы честной конкуренции, которые после утверждения их президентом приобретали силу закона. В кодексах определялись условия и объем производства, а также минимальный уровень цен. На время действия НИРА, ограниченное двумя годами, все эти операции исключались из сферы действия антитрестовского законодательства.

На основании закона о восстановлении промышленности было составлено и санкционировано президентом США около 750 кодексов, охвативших предприятия, на которых было занято 95% промышленных рабочих. Осуществление закона значительно укрепило корпоративную структуру американской экономики. Задавая тон при разработке кодексов, представители крупнейших корпораций диктовали условия производства и сбыта всем остальным промышленным предприятиям и фирмам. Неизбежным результатом государственного регулирования промышленности на основе НИРА стало принудительное картелирование промышленности и укрепление позиций корпоративного бизнеса.

Таким образом, промышленное, так же как и кредитно-финансовое, законодательство в США на первом этапе Нового курса носило в основном промонополистический характер. В связи с этим в левых кругах рабочего движения тех лет и в радикальной историографии и публицистике 30-х гг. часто проводились аналогии между экономическими мерами Нового курса и экономической политикой германского нацизма. Утверждалась, что и в Германии и в Соединенных Штатах государство установило в 1933 г. прямой контроль над экономикой страны в интересах крупных корпораций. На этом основании делался вывод, что экономическая политика администрации Рузвельта в первые годы ее деятельности - это "экономический фашизм".

Эти аналогии абсолютно неправомерны. Конечно, в чисто внешних формах экономического регулирования в Соединенных Штатах на первом этапе Нового курса и в нацистской Германии можно обнаружить черты определенного сходства. Но даже в этом отношении провести полную аналогию было бы неверным, ибо централизованный аппарат нацистского рейха установил фактически государственное управление экономикой, чего, разумеется, не было и не могло быть в Соединенных Штатах.

Но главное не в этом. Принципиальное различие моделей государственного регулирования в США и в нацистской Германии состояло в том, что уже на первом этапе Нового курса в Соединенных Штатах началось проведение важных либеральных реформ в социальной сфере, что, как мы уже говорили, было абсолютно несовместимо с существом тоталитарной нацистской модели государственного регулирования.

Второй важный аспект закона о восстановлении промышленности как раз и заключался в том, что он провозгласил курс на признание ряда социально-политических прав рабочих. Об этом говорилось в знаменитой ст. 7а НИРА, которая официально признавала за рабочими право на объединение в профсоюзы и на заключение коллективного договора, а также предписывала предпринимателям обязательно фиксировать в кодексах честной конкуренции минимальный уровень заработной платы и максимальную продолжительность рабочей недели.

Официальное закрепление в кодексах некоторых важных норм трудового законодательства создавало более благоприятную обстановку для борьбы рабочих за реальное улучшение условий найма. Но все же это был только первый шаг на пути к созданию системы трудовых отношений, соответствующих условиям высокоразвитого индустриального общества. Дело в том, что статья 7 а НИРА признавала право рабочих на профсоюзы и коллективный договор, но отнюдь не обязывала предпринимателей признавать эти права. Поэтому очень часто предприниматели либо вообще отказывались от признания профсоюзов и заключения коллективных договоров с ними, продолжая придерживаться принципа "открытого цеха", либо создавали полностью контролируемые хозяевами предприятий компанейские профсоюзы, рекламируя их как органы классового

сотрудничества рабочих и предпринимателей, которые сами, без вмешательства государства и помимо существующей системы профсоюзов АФТ, могут заключать добровольные трудовые соглашения.

В период действия НИРА практика создания компанийских профсоюзов получила в США очень широкое распространение. Это не было случайностью. Под угрозой введения твердых норм государственного регулирования трудовых отношений и реального признания прав профсоюзов многие предприниматели охотно брали на вооружение уже не раз успешно использовавшуюся ими в своих целях в 20-е гг. практику "социального партнерства" как форму "индустриальной демократии".

В законе о восстановлении промышленности был также раздел об организации общественных работ для безработных. На основе этого закона была создана Администрация общественных работ (PWA) во главе с министром внутренних дел Гарольдом Икесом. На осуществление крупных строительных работ по проектам PWA было ассигновано 3,3 млрд дол. Кроме мер, предусмотренных в НИРА, правительство Рузвельта использовало и другие каналы помощи безработным. Так, весной 1933 г. началось создание сети лесных лагерей для безработной молодежи. Тогда же Федеральная администрация по оказанию чрезвычайной помощи (FERA) во главе с ближайшим советником президента Гарри Гопкинсом приступила к выдаче финансовых дотаций штатам для оказания помощи безработным. Наконец, в ноябре 1933 г. была основана Администрация гражданских работ, в задачу которой входило предоставление безработным временного занятия в течение зимних месяцев.

Уже на первом этапе Нового курса масштабы организованных правительством общественных работ были весьма значительными. На них было занято в среднем 2,5 - 3 млн, а в отдельные месяцы даже до 4,5 млн человек. Но все-таки они в лучшем случае поглощали не более четверти армии безработных, остальные же по-прежнему были лишены помощи.

Таким образом, при всей принципиальной важности либеральных реформ в области трудового законодательства и в сфере помощи безработным, проведенных правительством Рузвельта в первый период Нового курса, они были довольно умеренными, а иногда и просто декларативными. Уровень социальной защищенности лиц наемного труда в США оставался в то время еще сравнительно низким.

Весьма противоречивый характер носили и мероприятия рузвельтовской администрации в сфере аграрной политики. Главной задачей закона о помощи фермерам, принятого 12 мая 1933 г., было повышение цен на продукты сельского хозяйства. Достигнуть этой цели намечалось путем сокращения посевных площадей и поголовья скота, за что фермерам полагалась специальная премия. Источником этих правительственных субсидий стал налог на первичную обработку сельскохозяйственных продуктов, т. е. в конечном итоге налог на потребителей. Осуществление

этой программы поручалось Администрации восстановления сельского хозяйства (AAA).

Практическое осуществление закона о помощи фермерам началось уже летом 1933 г. В южных районах страны было перепахано свыше 10 млн акров созревшего хлопчатника. Вслед за этим началось сокращение посевных площадей под пшеницей и кукурузой. Осенью 1933 г. был проведен массовый забой свиней. В районах молочного животноводства были приняты так называемые молочные кодексы, в которых определялись размеры производства и цены молока. Еще более расширились операции AAA в 1934 г. В зерновых районах Запада контрактами было охвачено почти 80% площадей, занятых посевами пшеницы, а в хлопковых и табачководческих районах Юга начал осуществляться план принудительного, а не добровольного сокращения посевных площадей.

Операции AAA принесли немалые выгоды группам крупного коммерческого фермерства. Они получили большую часть премиальных платежей за ограничение производства. К тому же интенсификация их хозяйства за счет новых капиталовложений давала им возможность собирать на сокращенных площадях не меньшие, а иногда даже более высокие урожаи. Однако для масс мелкого фермерства эти операции имели неблагоприятные последствия. Выплата сравнительно небольших премиальных платежей никак не могла компенсировать им уменьшение и без того весьма скромных размеров сельскохозяйственного производства.

Осуществление программы AAA сопровождалось планомерным уничтожением сельскохозяйственной продукции. Это проводилось в тот же период, когда значительная часть населения страны страдала от недостатка самых необходимых продуктов питания. Столь парадоксальная ситуация нищеты среди изобилия была неизбежным результатом политики приспособления сельскохозяйственного производства к узким границам платежеспособного спроса.

Закон о помощи фермерам предусматривал также рефинансирование фермерской ипотечной задолженности. Общая сумма займов, предоставленных в течение 1933 - 1935 гг. фермерам - должникам, превысила 1,5 млрд дол. Правительственные займы предотвратили крах многих банков, ипотечных и страховых компаний, державших фермерские ипотеки. Они укрепили положение более состоятельных групп фермеров-должников. Что же касается мелких фермеров, то многие из них по-прежнему были предоставлены самим себе, ибо условия рефинансирования были для них недоступны. Поэтому принудительная распродажа имущества мелких фермеров за неуплату долгов продолжалась и в эти годы. За 1933 - 1935 гг. было подвергнуто принудительной распродаже почти 600 тыс. ферм, т. е. примерно 10% общего числа ферм в США.

На первых порах Новый курс правительства Рузвельта встретил практически всеобщую поддержку. Это неудивительно: в чрезвычайной обстановке до предела обострившегося кризиса все социальные слои американского общества, и верхи и низы, связывали с политикой Нового

курса надежды на выход из затянувшегося экономического бедствия. Происшедшее весной и летом 1933 г. улучшение экономической конъюнктуры еще более укрепило эти надежды, создав вокруг имени Франклина Рузвельта ореол "спасителя от кризиса". На какое-то время в стране действительно возникла обстановка национального единства.

Однако это продолжалось недолго. Уже в 1934 г. возникла сильная оппозиция Новому курсу. Но требования различных оппозиционных течений и стоявших за ними социальных слоев были диаметрально противоположными. Одни были недовольны Новым курсом потому, что считали его недостаточно радикальным и требовали его решительной активизации, в то время как другим он, напротив, казался слишком радикальным и они настаивали на кардинальном изменении его характера или даже на его полной отмене.

Серьезный вызов политике рузвельтовской администрации составила в 1934 - 1935 гг. оппозиция Новому курсу слева. Практическая деятельность правительства Рузвельта по осуществлению программы реформ, на которые массы рядовых американцев возлагали столь радужные надежды, очень быстро показала многим из них, что Новый курс далеко не приносит того, что им было обещано и чего они от него ждали. К тому же после кратковременного улучшения экономической конъюнктуры промышленное производство в США то снижалось, то несколько повышалось, не выходя из депрессивного состояния. Ежегодный индекс общего объема промышленной продукции составил в 1933 г. всего лишь 64%, а в 1935 г. - 69% докризисного уровня 1929 г. В стране по-прежнему сохранялась массовая безработица. Кризисное положение было в сельском хозяйстве. Неудивительно, что первоначальное воодушевление масс по поводу перспектив Нового курса стало постепенно сменяться разочарованием и недовольством. На этой основе в 1934 - 1935 гг. в Соединенных Штатах вновь развернулись различные движения социального протеста.

Наиболее активными участниками этих движений стали промышленные рабочие. Преодолев состояние апатии и подавленности, охватившее большинство из них в период кризиса, они вновь обратились к средствам активной забастовочной борьбы. Уже в 1933 г. в стране бастовало более 1 млн рабочих, т. е. больше, чем за все четыре года кризиса, вместе взятые. В 1934 г. число стачечников еще более возросло, достигнув 1,5 млн.

Столь сильный подъем забастовочной борьбы рабочих отразил их растущее недовольство недостаточной эффективностью трудового законодательства правительства Рузвельта, их возмущение систематическими нарушениями предпринимателями ст. 7а НИРА, распространением компанейских союзов. На первом этапе Нового курса эти проблемы оказались в центре внимания организованного рабочего движения. Рабочие требовали также увеличения правительственных ассигнований на помощь безработным и введения федеральной системы социального страхования. Преимущественная ориентация рузвельтовской администрации на защиту интересов бизнеса была решительно отвергнута рабочими.

Крупные сдвиги произошли тогда и в американском профсоюзном движении. Принятие НИРА вызвало среди рабочих волну энтузиазма. Они массами стали вступать в профсоюзы. Приток сотен тысяч радикально настроенных рабочих внес свежую струю в застоявшуюся атмосферу цеховых союзов Американской федерации труда. Он значительно активизировал движение за перестройку профсоюзов по производственному принципу. Были подвергнуты сомнению многие постулаты гомперсистской идеологии "делового юнионизма", усилились настроения в пользу активного участия профсоюзов в борьбе за проведение прогрессивных социальных реформ. Эти новые тенденции в рабочем движении США были энергично поддержаны группой влиятельных профсоюзных лидеров во главе с президентом Объединенного союза горняков Джоном Льюисом. Роль профсоюзов в общественно-политической жизни страны существенно возросла.

В 1934 - 1935 гг. в Соединенных Штатах развернулась и новая сильная волна массовых демократических движений. В условиях продолжавшейся экономической депрессии миллионы обездоленных, отчаявшихся людей - безработных, мелких фермеров, негров и других представителей социальных низов - год за годом испытывали суровые лишения, нищали, голодали, разорялись. Они мучительно искали выход из создавшегося невыносимого положения. Новый курс мало что изменил в их жизни. Теряя последние надежды, они хватались за все, что, казалось, сулило им избавление от бедствий. Так возникли многочисленные "движения панацей", участники которых поддерживали различные и, как правило, утопичные проекты радикальных реформ.

Более реалистический и целенаправленный характер носило возобновившееся в те годы движение за независимые политические действия и создание третьей партии. Важную роль в этом движении играли Лига за независимые политические действия, созданная еще в 1929 г. группой радикальной интеллигенции, и две наиболее крупные местные партии - Фермерско-рабочая партия Миннесоты и Прогрессивная партия Висконсина.

Главную причину бедственного положения народа руководители этих радикальных групп видели в господстве крупного корпоративного капитала, в руках которого находились важнейшие средства производства и который оказывал решающее влияние на органы государственной власти. Своей конечной целью они провозглашали создание кооперативного общества, в котором процесс производства и распределения материальных благ был бы направлен на удовлетворение потребностей всех американцев. Для борьбы за осуществление этой программы кардинальных общественных преобразований деятели радикальных групп считали необходимым создание общенациональной прогрессивной третьей партии.

Наибольших успехов движение за создание третьей партии достигло в Миннесоте, где большим влиянием пользовалась местная Фермерско-

рабочая партия. С 1930 г. лидер ФРП Миннесоты Флойд Олсон занимал пост губернатора штата. Под его руководством еще до провозглашения Нового курса Рузвельта в Миннесоте были проведены некоторые важные меры помощи рабочим и фермерам. В начале 30-х гг. возобновила активную деятельность и группа левых республиканцев Висконсина, которую возглавил младший сын сенатора Роберта Лафоллета, кандидата прогрессистов на президентских выборах 1924 г., Филипп Лафоллет. В 1930 г. он был избран губернатором Висконсина, а в феврале 1932 г. законодательное собрание штата по представлению Ф. Лафоллета приняло первый в истории США закон о страховании по безработице.

Движение за радикализацию политики Нового курса было активно поддержано прогрессивными группами Миннесоты и Висконсина. В марте 1934 г. очередной съезд ФРП Миннесоты принял новую, более радикальную программу. Представляя ее съезду, губернатор Ф. Олсон заявил: "Я считаю, что современная система государства потерпит крах, если капитализм не сможет предотвратить новое наступление экономической депрессии. Я думаю, что стабильность в обществе может быть достигнута только тогда, когда основные отрасли американской промышленности будут переданы в собственность государства".

Наряду с традиционными антимонополистическими лозунгами новая программа Фермерско-рабочей партии Миннесоты выдвинула требование национализации всех основных отраслей промышленности, транспорта и банковской системы страны.

Произошли крупные сдвиги и в позиции левых республиканцев Висконсина, хотя их программа и не была столь радикальной. В мае 1934 г. на конференции левых республиканцев было принято решение об образовании Прогрессивной партии Висконсина во главе с Филиппом Лафоллетом. На выборах 1934 г. он после двухлетнего перерыва вновь был избран губернатором штата.

На базе этих первых успехов в борьбе за независимые политические действия в отдельных штатах левые силы США приступили к широкой агитации за формирование общенациональной третьей партии, рассматривая ее создание как исходный пункт в борьбе за преобразование капиталистической системы в кооперативное общество.

Таким образом, оппозиция Новому курсу слева уже в 1934 г. выросла в серьезную политическую силу. Это поставило перед правительством Рузвельта вопрос о дальнейших перспективах социально-экономической политики, о повышении эффективности Нового курса.

Сильная оппозиция политике рузвельтовской администрации возникла в 1934 - 1935 гг. и справа. Это объяснялось тем, что в настроениях значительной части крупного корпоративного бизнеса произошли решительные изменения. Наиболее трудный период экономического кризиса остался позади. Экономическая конъюнктура в стране стала более благоприятной. В государственном регулировании экономики теперь уже

не было такой крайней необходимости, как в 1933 г. Напротив, по мере улучшения экономического положения Новый курс и в особенности статьи НИРА о регулировании условий труда все более стесняли консервативные круги бизнеса, мечтавшие о возврате к временам неограниченного предпринимательского произвола. Любые шаги в сторону либерального социального законодательства казались им совершенно неприемлемыми.

Вот почему уже в 1934 г. часть крупного корпоративного капитала перешла в непримиримую оппозицию Новому курсу.

Консолидация ультраконсервативных сил нашла наиболее четкое выражение в возникновении Американской лиги свободы. Эта организация была создана в августе 1934 г. при непосредственном участии таких гигантов корпоративного бизнеса, как финансовая группа Дюпонов и автомобильный концерн "General Motors". В руководство лиги вошли деятели консервативных кругов республиканской и демократической партий. Американская лига свободы потребовала полного отказа от государственного регулирования экономики и от всяких либеральных реформ. Имея неограниченные финансовые ресурсы, лига начала систематическую пропагандистскую кампанию против политики Нового курса.

Конечно, сама по себе Американская лига свободы не могла стать крупной политической силой. Ее программа была слишком консервативной. Потенциальная опасность ультраконсервативной оппозиции Новому курсу состояла в том, что в абсолютном неприятии и бескомпромиссном отрицании рузвельтовской политики с ней сходились политические силы, которые казались ультрарадикальными. Их возглавляли деятели демагогического толка, которые, претендуя на роль борцов против крупного капитала и выдвигая "простые" рецепты решения сложнейших социальных проблем, привлекали на свою сторону широкие массы социальных низов общества и стремились направить их не только против Нового курса, но и против самого строя политической демократии.

Одно из самых сильных движений этого типа зародилось на Юге. Его возглавил сенатор от штата Луизиана Хью Лонг. Отъявленной демагогией и искусными популистскими маневрами ему удалось добиться широкой популярности в массах белых бедняков южных штатов. Чтобы привлечь на свою сторону новые миллионы избирателей по всей стране и достичь с их помощью президентского кресла, Лонг выдвинул программу "раздела богатств". За счет усиленного налогообложения, а то и конфискации крупных состояний он обещал увеличить минимальный уровень дохода самой бедной семьи до таких размеров, чтобы она могла иметь собственный дом, автомобиль, радио и посылать своих сыновей в колледж. Программа "раздела богатств" была, конечно, чистойшей демагогией. Тем не менее массы политически не искушенных сторонников Х. Лонга видели в нем борца против богачей, защитника интересов простых американцев. В созданных по всей стране отделениях общества

по "разделу богатств" уже в начале 1935 г. насчитывалось более 7,5 млн членов. И только неожиданная смерть Хью Лонга, убитого в сентябре 1935 г. одним из его бывших сторонников, устранила с общенациональной арены политической борьбы этого наиболее опасного среди демагогов правопопулистского толка, близкого по своим программным установкам и методам борьбы к вождям европейского фашизма.

Аналогичное массовое движение правопопулистского типа возглавил католический священник из Детройта Чарлз Кофлин. В своих еженедельных проповедях по радио он обличал "безбожных капиталистов" и призывал к установлению в стране справедливого строя. Выступления "радиопатера" регулярно слушали более 10 млн человек. Осенью 1934 г. по инициативе Кофлина были основаны первые ячейки "Национального союза борьбы за социальную справедливость", распространившиеся затем по всей стране. Опираясь на эту организацию, Кофлин и его сторонники пытались направить недовольство американцев в русло борьбы против Нового курса, за установление в стране политических порядков по типу корпоративного строя фашистской Италии.

Ультраконсервативная пропаганда Американской лиги свободы и особенно массовые движения под руководством псевдорадикальных демагогов представляли собой серьезную опасность для Рузвельтовской администрации. Но это была только часть правой оппозиции Новому курсу. Не меньшую, а, пожалуй, даже большую угрозу политике Нового курса справа составили действия Верховного суда США, в котором продолжали господствовать консервативные индивидуалистические доктрины, отрицающие правомерность вмешательства государства в сферу частного предпринимательства. С усилением правой оппозиции администрации Рузвельта консервативное большинство Верховного суда перешло в решительное наступление на политику Нового курса. 27 мая 1935 г. Верховный суд объявил о неконституционности НИРА, а 6 января 1936 г. та же судьба постигла закон о регулировании сельского хозяйства. За короткий срок были признаны неконституционными еще девять законов, принятых конгрессом в 1933 - 1934 гг.

Решения Верховного суда поставили серьезную преграду дальнейшему осуществлению политики Нового курса, ибо они подрывали ее конституционную основу. Между тем и в кругах рабочего движения, и в рядах участников массовых движений социального протеста все более усиливались настроения не только в пользу продолжения, но и в пользу существенной радикализации политики Нового курса. Рузвельт и его советники не могли не считаться с этими настроениями.

За первые два года президентства существенно эволюционировали и взгляды самого Рузвельта. Мероприятия, проведенные им в течение "первых ста дней" Нового курса, были чрезвычайными экспериментами, рассчитанными на преодоление глубочайшего кризиса. Ни сам президент, ни его советники еще не предусматривали тогда возможности превраще-

ния этих чрезвычайных мер в постоянный курс социально-экономической политики. Но именно в этом направлении стало постепенно меняться их отношение к государственному экономическому регулированию на опыте первых лет Нового курса. Немалую роль в таком повороте играло то, что в кругах советников Рузвельта росла популярность экономической теории Джона Мейнарда Кейнса.

Изменилось и отношение Рузвельта к вопросу о месте либеральных социальных реформ в политике Нового курса. Становилось все более очевидным, что попытки создания в стране обстановки национального единства окончились неудачей. В условиях быстрой поляризации общества продолжение той "средней" линии балансирования между различными социальными группами, которой придерживался президент на первом этапе Нового курса, вызывало сопротивление и слева и справа. Становился необходимым выбор: либо отказ от политики реформ, либо новые энергичные шаги по пути создания либерального социального законодательства.

* * *

Таковы были основные факторы, которые привели к существенной переориентации политики рузвельтовской администрации. В 1935 г. в политике Нового курса произошел значительный сдвиг влево. Начался второй этап Нового курса, главной отличительной чертой которого было то, что, отказавшись от политики балансирования, правительство Рузвельта в гораздо большей, нежели ранее, степени стало учитывать интересы трудового населения городов и ферм. Весной и летом 1935 г., в течение "вторых ста дней" Нового курса, была проведена новая серия чрезвычайно важных либеральных реформ. На первый план в политике федерального правительства стал все более выдвигаться социальный аспект. По выражению одного из американских историков, в 1935 г. Рузвельт вынужден был "сменить обветшалый костюм президента всей нации" на одежды "борца за народные интересы".

Наиболее крупным социальным завоеванием второго этапа Нового курса стал Национальный акт о трудовых отношениях, или закон Вагнера, вступивший в силу 5 июля 1935 г. В этом самом радикальном законе Нового курса положения о правах рабочих получили принципиально иное толкование по сравнению с тем, как они трактовались в НИРА. Закон Вагнера не только декларировал права рабочих на организацию и на заключение коллективного договора, но и гарантировал им право на вступление в избранный ими профсоюз и на заключение коллективного договора с ним. Если рабочие данного предприятия проголосовали за созданный там профсоюз, предприниматель был обязан признать его официальным представителем рабочих и заключить с ним коллективный договор. Следовательно, правительство не только гарантировало законность профсоюзной деятельности, но и легализовало принцип

"закрытого цеха" как высшей формы профсоюзных гарантий. Было закреплено также право рабочих на стачку и пикетирование.

Важным нововведением закона Вагнера было существенное ограничение предпринимательских прерогатив. Отныне правительственные органы должны были пресекать такие виды "нечестной трудовой практики" предпринимателей, как преследование рабочих за участие в профсоюзном движении, создание компанийских профсоюзов, отказ от переговоров с выборными представителями рабочих по вопросам заключения коллективного договора. Контроль за осуществлением закона был возложен на Национальное управление по трудовым отношениям, решения которого были обязательны для предпринимателей и могли оспариваться ими только через суд.

Таким образом, закон Вагнера стал вершиной либерального трудового законодательства в Америке. Он не только четко и недвусмысленно провозгласил основополагающие права рабочих в сфере трудовых отношений, но и обеспечил законодательно оформленные гарантии для реального осуществления этих прав.

Другой важнейшей социальной реформой второго этапа Нового курса было принятие первого в истории Соединенных Штатов федерального закона о социальном страховании. Этот закон, подписанный президентом Рузвельтом 14 августа 1935 г., вводил страхование двух типов - систему пенсий по старости и пособий по безработице.

Условия и нормы пенсионного обеспечения были едиными по всей стране. Право на получение пенсий по старости имели рабочие и служащие, достигшие 65-летнего возраста, при наличии достаточного трудового стажа. Страховой фонд создавался за счет паритетного налогового обложения предпринимателей и лиц наемного труда. Рабочие и служащие вносили налог в размере 1% на первые 3000 дол. ежегодной заработной платы каждого работника. Такую же сумму из общего фонда заработной платы вносили предприниматели. Страхование по безработице строилось на федерально-штатной основе. Конгресс устанавливал лишь порядок создания страхового фонда. Со всех предпринимателей, нанимавших 8 и более рабочих, взимался налог на уровне 1% с тех же первых 3000 дол. ежегодной заработной платы каждого рабочего, занятого на данном предприятии. Круг получателей пособий, размеры и сроки их выплаты определялись законодательством штатов.

Существенной слабостью закона о социальном страховании было то, что он распространялся только на рабочих относительно крупных промышленных предприятий и совсем не охватывал рабочих и служащих, занятых в торговле, сфере обслуживания и в сельском хозяйстве. Но при всех своих недостатках этот закон наряду с законом Вагнера стал крупной вехой в истории либерального социального законодательства в США.

На втором этапе Нового курса произошло значительное увеличение масштабов общественных работ и расширение их клиентуры. В апреле

1935 г. конгресс принял закон, который предусматривал новые, очень крупные ассигнования на эти цели - 4,9 млрд дол. Для осуществления этой обширной программы была создана новая организация - Администрация по реализации общественных работ (WPA) во главе с Г. Гопкинсом. В отличие от действовавшей с 1933 г. Администрации общественных работ (PWA), которая делала упор на осуществление крупных проектов капитального строительства, рассчитанных на стимулирование экономики, руководство WPA стремилось занять на своих объектах возможно большее число безработных на любой работе, не требующей крупных капиталовложений. 85% всех расходов на объектах WPA шло на оплату труда участников общественных работ по существующим в данный момент ставкам заработной платы промышленных рабочих. Уже весной 1936 г. на различных объектах WPA было занято около 3,5 млн человек.

Значительно расширилась клиентура новой администрации. Она оказала большую помощь лицам интеллектуальных профессий - артистам, писателям, художникам, архитекторам. В июне 1935 г. была создана специальная Администрация помощи молодежи, которая обеспечила временной частичной занятостью нуждающихся в этом студентов и школьников старших классов.

Правда, и на втором этапе Нового курса системой общественных работ могла быть охвачена в лучшем случае лишь треть общего числа безработных. Но все же для миллионов рядовых американцев в условиях затянувшейся депрессии общественные работы стали единственным источником существования. Вместе с другими агентствами Администрация по реализации общественных работ заложила основы социально-культурной инфраструктуры американского общества.

Важный поворот произошел в середине 30-х гг. и в аграрной политике Нового курса. В феврале 1936 г., вскоре после отмены AAA, правительство Рузвельта провело через конгресс новый сельскохозяйственный закон, в котором наряду с выдвиганием очередной программы сокращения производства продуктов земледелия и животноводства были предусмотрены меры по восстановлению плодородия почвы. Актуальность этой проблемы стала особенно очевидной после сильной засухи 1934 г. и грандиозных пыльных бурь тех лет. Охрана и дальнейшее развитие естественных ресурсов входили и в круг задач Администрации долины реки Теннесси, которая была создана еще в 1933 г. Уже тогда это новое федеральное агентство приступило к осуществлению обширной программы государственного гидроэнергетического строительства в бассейне реки Теннесси, в одном из наиболее отсталых регионов Юга. Однако на втором этапе Нового курса цели этой администрации были значительно расширены: ее первоначальная программа обеспечения электроэнергией производства дешевых удобрений переросла в широкую программу регионального социально-экономического планирования с целью повышения жизненного уровня населения депрессивных районов.

Важную роль в этом плане играла и созданная в мае 1935 г. Администрация по сельской электрификации (REA), которая приступила к организации фермерских кооперативов, выдаче им долгосрочных займов и к оказанию технической помощи для сооружения линий электропередач и снабжения ферм электроэнергией. Деятельность администрации была весьма успешной. Если в середине 30-х гг. лишь одна из каждых 10 ферм США была электрифицирована, то к концу 30-х гг. были электрифицированы уже четыре из каждых 10 ферм.

Принципиальным сдвигом в аграрной политике правительства на втором этапе Нового курса было, наконец, то, что правительственная помощь стала оказываться не только состоятельным группам фермерского населения, но и слоям с низкими доходами. Это проявилось в создании в 1935 г. Администрации по переселению, которая в начале 1937 г. была преобразована в Администрацию по охране фермерских хозяйств. Программа деятельности этих федеральных учреждений включала строительство лагерей для сельскохозяйственных рабочих-мигрантов, оказание финансовой помощи мелким фермерам для переселения их на более плодородные земли, выдачу займов мелким арендаторам для покупки ферм, создание кооперативов мелких фермеров с целью приобретения сельскохозяйственного инвентаря, сбыта продукции, а в отдельных случаях и для совместной обработки земли. Конечно, все эти меры помощи низкодоходным группам фермерства, предпринятые администрацией Рузвельта в середине 30-х гг., были важны не столько своими практическими результатами (они были невелики), сколько тем, что концепция социальной ответственности государства была хотя бы в принципе распространена на самые низкодоходные и наиболее бесправные слои населения страны.

Таким образом, на втором этапе Нового курса произошли решительные изменения в характере социальной политики правительства Рузвельта. На первый план в ней была выдвинута проблема проведения реформ в пользу широких слоев населения США. Разумеется, либеральные реформы 1935-1936 гг. были далеки от того, чтобы решить все сложные социальные проблемы, стоявшие перед миллионами рядовых американцев. И все же при всех своих слабостях и пробелах либеральные реформы второго этапа Нового курса были крупным шагом вперед по пути социального прогресса. Впервые в истории США было положено начало созданию разветвленной государственной системы социальной защиты населения. Не случайно подавляющее большинство населения страны приветствовало этот крупный прогрессивный сдвиг в политике рузвельтовской администрации.

Но серьезный сдвиг влево в политике Нового курса вызвал острое недовольство консервативных групп крупного капитала. Это недовольство переросло в открытое сопротивление, когда летом 1935 г. правительство Рузвельта провело через конгресс два важных закона, существенно

затрагивавших материальные интересы корпоративных фирм и крупных собственников. Первой из этих мер был акт о регулировании держательских компаний в сфере предприятий общественного пользования. По условиям нового закона, все фирмы, обеспечивавшие потребности страны в газе и электроэнергии, ставились под жесткий государственный контроль. Полностью запрещались многоэтажные пирамиды держательских компаний, получившие такое широкое распространение в годы "просперити". Одновременно был принят новый налоговый закон, который ввел дополнительное налоговое обложение для лиц с годовыми доходами, превышавшими 50 тыс. дол. Особо высокие нормы налогов устанавливались для лиц с очень крупными доходами, превышавшими 1 млн дол. Так, лица с годовыми доходами свыше 5 млн дол. должны были платить налог, составлявший 75% их дохода. Были введены также налоги на сверхприбыли корпораций.

Консервативные группы крупного бизнеса встретили эти законодательные акты подлинным взрывом ярости. Они обвиняли Рузвельта в злостном нарушении американских традиций, в покушении на священные права частной собственности, в потворстве опасным радикалам и демагогам. А патриарх американской "желтой" прессы Уильям Рэндолф Херст заявил, что новые законы - это "чистейший пример коммунизма".

Разумеется, эти обвинения не имели ничего общего с действительностью. Рузвельт и его советники вовсе не заняли враждебную позицию по отношению к бизнесу, в чем их обвиняли консерваторы. Напротив, глава Белого дома не раз утверждал о своей неизменной поддержке бизнеса. Но по сравнению с 1933 г. в позиции президента Рузвельта по отношению к кругам корпоративного бизнеса произошли существенные изменения. На втором этапе Нового курса, после серии проведенных тогда либеральных реформ и в особенности в преддверии избирательной кампании 1936 г., Рузвельт считал целесообразным перейти от прямого сотрудничества с крупным корпоративным бизнесом, что он полагал абсолютно необходимым в чрезвычайной кризисной обстановке 1933 г., к критике чрезмерной мощи крупнейших корпораций в экономике и их политических амбиций в жизни страны. Не случайно в выступлениях президента во время "вторых ста дней" Нового курса вновь отчетливо зазвучала антимонополистическая риторика.

В еще большей степени это было характерно для периода избирательной кампании 1936 г. Вновь став официальным кандидатом демократической партии, Рузвельт стремился заверить избирателей в том, что сторонников Нового курса, борющихся за расширение прав народа, и немногочисленную группу крупных промышленных и финансовых дельцов, этих алчных богачей, или, как он назвал их, "экономических роялистов", сопротивляющихся этому справедливому делу, разделяют непримиримые противоречия.

"Роялисты экономического мира, - говорил президент в одной из предвыборных речей, - признают, что обеспечение политических прав граждан составляет обязанность правительства, но они считают, что никому нет никакого дела до сферы экономического рабства. Они милостиво готовы признать, что правительство может защищать право граждан участвовать в выборах, но отрицают за ним право делать что бы то ни было для защиты права граждан на труд и на жизнь. Но мы придерживаемся убеждения, что свобода не может существовать только наполовину. Если гражданину гарантированы равные возможности в процессе выборов, то он должен иметь соответствующие возможности и в экономической сфере".

Крупный сдвиг влево в политике Нового курса явился главной причиной блестящей победы Рузвельта на выборах 1936 г. За него голосовали 27,8 млн избирателей, тогда как его основному сопернику, кандидату республиканской партии, губернатору штата Канзас Альфреду Лэндону, удалось получить лишь 16,7 млн голосов. Рузвельт одержал победу в 46 штатах, что дало ему голоса 523 выборщиков, в то время как Лэндон получил перевес только в двух небольших штатах Новой Англии - Мэне и Вермонте - и обеспечил себе лишь 8 выборщиков.

Крупное поражение потерпела на выборах 1936 г. так называемая Союзная партия. В этой новой политической организации, выдававшей себя за радикальную третью партию, объединились сторонники Чарлза Кофлина и последователи Хью Лонга. Демагогические ультрарадикальные лозунги, выдвигавшиеся ею на предвыборных митингах, привлекли, правда, на сторону этой правопопулистской группы довольно много избирателей. Кандидат Союзной партии, конгрессмен Уильям Лемке, весьма популярный в фермерских кругах Запада, получил на выборах почти 900 тыс. голосов, но это не дало Союзной партии возможности провести хотя бы одного своего представителя в коллегии выборщиков.

Выборы в конгресс дали в 1936 г. огромное преимущество демократам. В сенате стало теперь 76 демократов и всего лишь 16 республиканцев, а соотношение мест в пользу демократов в палате представителей составило 331 против 89.

* * *

Блистательная победа Рузвельта на выборах 1936 г. означала, что американский народ дал ему мандат на продолжение политики либеральных реформ. Настоятельная необходимость дальнейшего следования по этому пути отчетливо осознавалась и президентом. В очередном послании конгрессу о положении страны в начале января 1937 г. Рузвельт говорил, что он с удвоенной энергией будет продолжать курс на оздоровление экономики и на повышение благосостояния народа.

Только тогда, утверждал он, можно приспособить американское общество к сложным условиям современного мира.

Однако столь же отчетливо Рузвельт сознавал и то, насколько далека еще была Америка от осуществления этих целей. О масштабах лишений миллионов американцев президент горячо и взволнованно говорил в своей знаменитой инаугурационной речи 20 января 1937 г., в день вступления на президентскую должность на второй срок.

"В нашей стране, - говорил президент, - я вижу десятки миллионов граждан, которые и сейчас, составляя значительную часть населения, лишены большей части того, что, даже по самым низким современным стандартам, считается первостепенными жизненными потребностями.

Я вижу миллионы семей, которые пытаются прожить на столь скудные доходы, что угроза семейной катастрофы каждодневно висит над ними...

Я вижу, что миллионы людей лишены возможности образования и отдыха, не могут улучшить свою судьбу и судьбу своих детей...

Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, носит бедную одежду и плохо питается.

Принимая вновь присягу в должности президента Соединенных Штатов, я даю торжественную клятву вести американский народ вперед, по избранной им самим дороге".

Первые же месяцы второго срока президентства Рузвельта показали, что политика Нового курса, перед которой были поставлены новые сложные задачи, встретила с серьезнейшими трудностями.

Триумфальная победа Рузвельта на выборах 1936 г. вызвала огромный энтузиазм в массах рядовых американцев. Они ожидали, что администрация Рузвельта еще более решительно станет на сторону народа и осуществит новую серию реформ для улучшения его положения. Особой активностью отличались рабочие. На рубеже 1936 и 1937 гг. в стране началась волна знаменитых "сидячих стачек", которая охватила сотни тысяч рабочих важнейших отраслей промышленности. Они оказались настолько успешными, что даже такие гиганты корпоративного бизнеса, как "General Motors", "General Electric", "U. S. Steel Corporation" и др., вынуждены были признать новые массовые профсоюзы, которые были созданы под эгидой возникшего в рамках АФТ Комитета производственных профсоюзов, и заключить с ними коллективные договоры. Профсоюзное движение все более настойчиво требовало от правительства дальнейших шагов по пути реформ.

Однако "сидячие забастовки" вызвали необычайно острую негативную реакцию в кругах крупного бизнеса. Это и понятно: ведь они значительно увеличили эффективность забастовочной борьбы, затруднив предпринимателям возможность использования штрейкбрехеров. К тому же действия рабочих во время "сидячих стачек", как правило, расценивались в консервативных кругах как посягательство на права частной собственности. Поэтому объединения предпринимателей потребовали от

президента самых решительных действий для подавления забастовок. Когда же Рузвельт, в принципе осудив "сидячие стачки", в то же время отказался применить силу для их прекращения, недовольство в широких предпринимательских кругах возросло еще больше.

Значительные изменения в настроениях деловых кругов объяснялись и существенным улучшением экономической конъюнктуры в стране. Индекс промышленного производства США в 1936 г. достиг 95%, а в 1937 г. - даже 103%, впервые превысив докризисный уровень 1929 г. В условиях промышленного подъема предприниматели вновь начали ощущать уверенность в своих силах, которую они утратили за годы "великой депрессии". Это неизбежно вело к тому, что все более значительные круги крупного бизнеса считали вредным всякое вмешательство государства в экономику и требовали решительного сокращения правительственных расходов на общественные работы и другие социальные нужды.

Настроения в пользу существенного ограничения либерального социального реформаторства в 1937 г. нашли широкое распространение и в умеренно-консервативных кругах демократической партии, которые до тех пор, хотя и без особого энтузиазма, поддерживали политику Нового курса.

Дальнейшая поляризация социальных сил американского общества поставила перед рузвельтовской администрацией чрезвычайно трудные проблемы. С одной стороны, усиление консервативных настроений не только в кругах крупного корпоративного бизнеса, но и в широких слоях мелких и средних предпринимателей, зажиточных фермеров и других представителей средних слоев, напуганных "сидячими стачками" и иными проявлениями радикализма в рабочем движении, заставили президента кое в чем пойти навстречу требованиям бизнеса. В бюджетном послании конгрессу в январе 1937 г. говорилось о необходимости достижения сбалансированного бюджета и о некотором сокращении федеральных ассигнований на общественные работы.

С другой стороны, Рузвельт не намерен был отказываться от курса на продолжение либеральных реформ, которых настойчиво требовали организованные рабочие. Поэтому в 1937 г. рузвельтовская администрация объявила о намерении провести через конгресс законопроекты о восстановлении федеральных стандартов минимальной заработной платы и максимальной продолжительности рабочей недели, о выделении ассигнований на строительство дешевого жилья и о расширении масштабов гидроэнергетического строительства и регионального планирования по типу Администрации долины реки Теннесси.

Однако Рузвельт не мог не учитывать того, что усиление консервативной оппозиции в демократической партии и в конгрессе создавало серьезные препятствия принятию этой либеральной программы. К тому же даже в случае одобрения этих законопроектов конгрессом они в любой момент могли быть объявлены неконституционными консервативным

большинством Верховного суда, по-прежнему исходившим в своих решениях из индивидуалистических принципов полнейшей свободы частнопредпринимательской деятельности.

Вот почему в начале 1937 г. произошла определенная трансформация политики Нового курса, изменились приоритеты в практических действиях рузвельтовской администрации по осуществлению программы реформ. Начался третий этап Нового курса, когда правительство Рузвельта, встретившись с сильной оппозицией продолжению линии на активное социальное реформаторство, направило свои основные усилия на закрепление уже достигнутого, на упорядочение и консолидацию многочисленных федеральных агентств, созданных в предшествующие годы. Следовательно, на третьем этапе Нового курса перед рузвельтовской администрацией встала задача институционализации политики либеральных реформ. Этой цели и служили выдвинутые президентом план реформы Верховного суда и проект административной реформы.

План реформы Верховного суда был предложен Рузвельтом 5 февраля 1937 г. Он предусматривал предоставление президенту права назначать с согласия сената дополнительных судей, если тот или иной член Верховного суда, достигший 70-летнего возраста, не захочет уйти в отставку. Общее число членов этой высшей судебной инстанции США не могло превышать 15 человек. По словам самого президента, целью предложенной реформы было "обеспечить постоянный приток свежей крови в судебную систему" и "привлечь к решению социально-экономических проблем людей более молодого поколения, которые хорошо знакомы с условиями жизни и труда рядовых американцев в современную эпоху".

Одновременно с планом реформирования Верховного суда Рузвельт выступил с проектом административной реформы. Она предусматривала расширение персонала Белого дома, создание Исполнительного управления президента и предоставление президенту права изменять структуру и характер функционирования органов исполнительной власти. В проекте также говорилось о необходимости укрепления и консолидации новых федеральных агентств социальной защиты и установления прочного контроля над ними со стороны президентского аппарата. По расчетам Рузвельта, это могло сделать операции новых агентств более эффективными и, самое главное, придать им постоянный статус. С этой целью предполагалось объединить большинство федеральных агентств, созданных в годы Нового курса, в два новых министерства - министерство общественных работ и министерство социальных услуг.

В течение всей первой половины 1937 г. вопрос о реформе Верховного суда был в центре политической борьбы. Сторонники президента развернули энергичную кампанию в пользу реформы. Но одновременно резко активизировалась и оппозиция. Республиканцы и большинство консервативных демократов в конгрессе заняли в этом вопросе

бескомпромиссную антирузвельтовскую позицию. Против плана реформы Верховного суда выступила также и часть либералов, ранее поддерживавших политику Нового курса. Правда, в отличие от консерваторов они осуждали решения Верховного суда о неконституционности важнейших мер социального законодательства Рузвельта. Но они опасались, что реформа Верховного суда нарушит заложенные в американской конституции принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов и даст президенту слишком большие возможности определять состав Верховного суда. Однако эти расхождения между либералами и консерваторами не меняли сути дела: и те и другие вместе выступили против плана реформы Верховного суда.

Дальнейший ход борьбы между сторонниками и противниками плана президента во многом определился изменением позиции самого Верховного суда. 12 апреля 1937 г. большинством голосов он принял решение о конституционности закона Вагнера. Вскоре были приняты постановления, санкционировавшие конституционность закона о социальном страховании и ряда положений о регулировании условий труда, принятых в различных штатах. Эта переориентация Верховного суда значительно ослабила кампанию сторонников президента и во многом способствовала тому, что проект реформы судебной системы, выдвинутый Рузвельтом, потерпел поражение.

Конечный исход борьбы по вопросу о реформе Верховного суда не был однозначным. Переориентация суда и отставка нескольких судей, позволившая Рузвельту пополнить Верховный суд либералами, привели фактически к осуществлению тех целей, которые ставил президент в феврале 1937 г. Наиболее важные меры социального законодательства, принятые в 1935-1936 гг., были теперь закреплены. Поэтому в какой-то мере Рузвельт был прав, когда он говорил впоследствии, что он проиграл сражение, но выиграл войну.

Однако, с другой стороны, провал плана реформы Верховного суда в конгрессе был серьезным поражением президента. Он означал, что уже сложился прочный консервативный антирузвельтовский блок республиканцев и южных демократов. Это существенно затруднило для Рузвельта и его сторонников проведение через конгресс планов расширения и институционализации либеральных реформ Нового курса.

Ослабление позиций Белого дома в 1937 г. четко обозначилось в ходе обсуждения конгрессом важнейших законопроектов, разработанных Рузвельтовской администрацией. Непримируемую оппозицию консервативного блока встретил прежде всего проект административной реформы и особенно предложение о создании новых министерств. Ни на регулярной сессии конгресса в первой половине 1937 г., ни на его специальной сессии, созванной Рузвельтом в ноябре того же года, проект административной реформы так и не был принят. Та же судьба постигла и большинство новых правительственных планов социального законодательства. В

течение 1937 г. сторонникам президента удалось провести через конгресс лишь законопроект о строительстве дешевого жилья, да и то предложенная правительством сумма федеральных ассигнований на эти цели была значительно сокращена. Все же остальные проекты социального законодательства в 1937 г. так и не получили одобрения конгресса.

Обстановка в стране и соотношение сил в конгрессе вновь существенно изменились, когда период благоприятной экономической конъюнктуры сменился осенью 1937 г. новым экономическим кризисом. Наибольшей силы он достиг весной 1938 г., общий же годовой индекс промышленного производства, в 1937 г. впервые превысивший уровень 1929 г., в 1938 г. вновь упал до 82% этого уровня.

Влияние экономического кризиса 1937-1938 гг. на деловые круги было весьма противоречивым. Наиболее консервативные группы корпоративного бизнеса, немедленно окрестившие новый экономический спад "рузвельтовской рецессией", стремились воспользоваться ухудшением экономической конъюнктуры для активизации борьбы за полную ликвидацию политики Нового курса. Однако такая позиция разделялась далеко не всеми представителями деловых кругов. По мере обострения кризиса даже некоторые представители корпоративного капитала, учитывая позитивный опыт антикризисной политики ружвельтовской администрации, считали необходимым не сокращение, а увеличение государственных расходов на цели социально-экономического регулирования. Но все же усиление бескомпромиссной оппозиции Новому курсу со стороны влиятельных кругов корпоративного бизнеса и консервативного блока в конгрессе заставило Рузвельта и членов его администрации вновь внести существенные изменения в избранный ими в начале 1937 г. политический курс.

В конце декабря 1937 г. видные деятели правительства Рузвельта возобновили активную антимонополистическую кампанию. Наиболее решительно выступил министр внутренних дел Гарольд Икес. В своей речи он утверждал, что "60 семейств Америки", как назвал наиболее влиятельные группы корпоративного бизнеса США публицист Фердинанд Ландберг в опубликованной им в 1937 г. книге под этим названием, вновь усилили "старую борьбу между властью денег и силой демократического инстинкта" и что "неотвратимый конфликт" между демократией и плутократией "надо довести до победного конца".

Антимонополистическая кампания деятелей администрации была поддержана и самим президентом. Но наряду с осуждением позиции консервативных кругов бизнеса в выступлениях Рузвельта в начале 1938 г. просматривалось также стремление к конструктивным переговорам с представителями делового мира. Не случайно для их умиротворения президент счел возможным продемонстрировать жесткую позицию по отношению к лидерам профсоюзного движения и предостеречь их от "чрезмерных притязаний".

Тем не менее во всех своих речах начала 1938 г. Рузвельт делал основной упор на том, что страна нуждается в продолжении и активизации политики Нового курса. Он вновь и вновь повторял, что в 30-х гг. XX в. государственное регулирование экономики и социальных отношений стало необходимостью.

"События последних месяцев, - заявил он в очередном послании конгрессу о положении страны в январе 1938 г., - являются новым доказательством того, что мы не можем управлять страной так, как это делалось в 1787, 1837 или 1887 гг., ибо нужды и стремления людей сейчас несравненно более обширны и их несравненно труднее удовлетворить, чем в любой предшествующий период жизни нашей республики. Удовлетворение этих нужд и стремлений стало в наши дни признанным долгом правительства, и в последнее время не произошло ничего такого, что могло бы освободить конгресс, суды и президента от выполнения этого долга. Он и сейчас требует от нас столь же энергичных и неотложных действий, как в марте 1933 г."

В первой половине 1938 г., в период наибольшего углубления экономического спада, правительству Рузвельта удалось добиться перелома в позициях большинства членов конгресса и провести ряд новых социальных реформ, ставших главным достижением рузвельтовской политики на третьем этапе Нового курса.

Первым важным актом законодательства этого периода стал новый сельскохозяйственный закон, принятый конгрессом 16 февраля 1938 г. Полностью сохранив программу поддержания плодородия почвы, он значительно усилил регулирующие функции государства по контролю за сокращением посевных площадей и продукции животноводства и по проведению систематической скупки "излишков" сельскохозяйственной продукции. Закон предусматривал также осуществление программы "страхования урожая", которая предусматривала создание резервов сельскохозяйственной продукции на случай засухи и других стихийных бедствий. Наконец, учитывая недовольство мелких фермеров, правительство Рузвельта включило в сельскохозяйственный закон 1938 г. ряд положений, несколько увеличивавших размеры премиальных платежей для мелких сельскохозяйственных производителей и в какой-то мере защищавших мелких фермеров-арендаторов от сгона их с земли.

Другим важным направлением социальной политики правительства Рузвельта в 1938 г. было возобновление широкомасштабных общественных работ для безработных. Были выделены новые крупные ассигнования на проведение общественных работ на различных объектах PWA и WPA в размере 5 млрд дол. Это позволило к концу 1938 г. вновь увеличить число рабочих, занятых на этих объектах, до 3,5 млн человек.

В условиях, когда новый экономический спад опять обрушил тяжелые удары на рядовых американцев, рузвельтовская администрация сочла необходимым откликнуться на проявившуюся в годы Нового курса тенденцию к росту антимонополистических настроений в стране. В апреле

1938 г. Рузвельт предложил провести "тщательное расследование концентрации экономической мощи в американской промышленности". Эта задача была возложена на "временный национальный экономический комитет", созданный решением конгресса. Правда, деятельность этого агентства разворачивалась очень медленно. Но все же публичные заседания комитета, заслушавшие многочисленные свидетельские показания о монополистической практике крупных корпораций, о нарушении ими антитрестовского законодательства, нанесли определенный морально-политический ущерб монополиям.

Наконец, после длительной борьбы правительству Рузвельта удалось добиться нового крупного успеха в сфере трудового законодательства. 25 июня 1938 г. президент подписал закон о справедливых условиях труда. Этот закон запрещал применение труда детей до 14 лет и устанавливал единые федеральные стандарты минимума заработной платы и максимальной продолжительности рабочей недели. Минимум заработной платы был установлен в размере 25 центов в час, а в течение последующих восьми лет его предполагалось довести до 40 центов. Максимальная продолжительность рабочей недели была ограничена 44 часами, а по истечении трех лет она должна была составить 40 часов.

Таким образом, на третьем этапе Нового курса социальный аспект продолжал занимать важное место в политике рузвельтовской администрации. Поэтому о нескольких месяцах первой половины 1938 г. по праву можно было говорить как о "третьих ста днях Нового курса".

Однако соотношение сил в партийно-политической борьбе в 1938 г. было значительно менее благоприятным для сторонников Нового курса; чем в 1935-1936 гг. Отражая существенные изменения в позиции влиятельных групп корпоративного капитала, сформировавшийся в 1937 г. консервативный блок республиканцев и южных демократов все более решительно выступал против либерального социального реформаторства. Некоторые наиболее реакционные из республиканцев даже в этот период по-прежнему настаивали на возвращении к постулатам идеологии "твердого" индивидуализма. Правда, большинство деятелей консервативного блока в конгрессе в конце 30-х гг. в принципе уже не возражали против расширения функций государства. Но они считали необходимым резкое сокращение государственного регулирования экономики и выступали против курса на дальнейшие либеральные реформы в социальной области.

Все это создало серьезные преграды проведению важных реформ, предложенных правительством Рузвельта. Особенно упорное сопротивление консервативных сил по-прежнему вызывал проект административной реформы. В апреле 1938 г. после бурного обсуждения палата представителей отвергла новый вариант этой реформы - законопроект о реорганизации аппарата исполнительной власти, незадолго до этого утвержденный сенатом. Повторный провал проекта административной реформы явился новым серьезным поражением президента.

На промежуточных выборах 1938 г. Рузвельт попытался добиться поражения некоторых наиболее враждебных Новому курсу деятелей демократической партии. Но эти попытки закончились неудачей: почти все эти представители непримиримой антирузвельтовской оппозиции были переизбраны. Да и республиканцы на выборах 1938 г. значительно увеличили свое представительство в конгрессе. Реальное соотношение сил стало там еще более неблагоприятным для сторонников Нового курса.

Между тем вопрос о направлении дальнейшей эволюции правительственной политики по-прежнему стоял чрезвычайно остро. Хотя со второй половины 1938 г. началось некоторое улучшение экономической конъюнктуры, в стране сохранялась массовая безработица. Даже в 1939 г. около 9 млн рабочих не имели возможности получить работу. Это вызывало недовольство организованных рабочих, особенно сильно сказавшееся в новых массовых производственных профсоюзах, которые с ноября 1938 г. объединились в новый центр профсоюзного движения Соединенных Штатов - Конгресс производственных профсоюзов. В целом поддерживая политику Нового курса, профсоюзы КПП требовали от правительства более последовательного проведения и дальнейшего углубления социальных реформ.

С другой стороны, все более усиливалась и оппозиция политике Нового курса со стороны групп корпоративного бизнеса, которые обвиняли Рузвельта в потворстве "непомерным притязаниям" профсоюзов, в навязывании предпринимателям закона Вагнера и других "про рабочих" мер социального законодательства и требовали их решительного пересмотра.

Сильное недовольство ростом радикализма в рабочем движении ощущалось и в кругах фермерской буржуазии, особенно после того, как в 1937 г. в рамках КПП был создан общенациональный профсоюз сельскохозяйственных рабочих. Росла и принципиальная оппозиция аграрной буржуазии всем мерам рузвельтовской администрации, которые хоть в какой-то мере шли навстречу интересам мелких фермеров. На выборах 1938 г. это привело к поражению ряда политических деятелей западных штатов, поддерживавших политику Нового курса. Их судьбу разделили даже такие признанные представители радикальных групп движения за независимые политические действия, как лидер Прогрессивной партии Висконсина Филипп Лафоллет и глава Фермерско-рабочей партии Миннесоты Элмер Бенсон, в течение нескольких предшествовавших лет занимавшие посты губернаторов этих штатов.

Наконец, консервативный блок в конгрессе категорически отверг и первые попытки либералов поставить под контроль федеральных властей наиболее вопиющие проявления расового угнетения. Такая судьба постигла тогда законопроект о передаче дел, связанных с судом Линча, из ведения судебных органов отдельных штатов в компетенцию федеральных судов. Все попытки проведения этого билля через конгресс неизменно встречались ожесточенной обструкцией представителей южных штатов,

так до конца 30-х годов и не допустивших принятия этой важной и давно назревшей реформы. Боязнь полного разрыва с южным крылом демократической партии все эти годы удерживала президента Рузвельта от активной поддержки столь необходимого для негритянского населения Юга законодательства.

Новое усиление поляризации социально-политических сил американского общества поставило перед правительством Рузвельта еще более трудные проблемы, чем это было в начале третьего этапа Нового курса. Рост силы и влияния консервативного блока в конгрессе делал маловероятным дальнейшее сколько-нибудь серьезное продвижение социального законодательства. Однако совершенно неприемлемым для президента был и отказ от уже проведенных реформ.

Все это и определило курс правительственной политики, который был намечен Рузвельтом на 1939 г. В очередном послании конгрессу о положении страны впервые за все годы Нового курса президент не выдвинул ни одной новой программы социального законодательства. Но в то же время он сделал упор на необходимости закрепления уже проведенных социальных преобразований. Для этого, утверждал президент, необходимо создать эффективный правительственный механизм, способный осуществлять программы перспективного социально-экономического планирования. Следовательно, задача закрепления и институционализации либеральных реформ, выдвинутая Рузвельтом в начале третьего этапа Нового курса, и в 1939 г. оставалась в числе важнейших приоритетов его политики.

Основные усилия правительства Рузвельта были теперь направлены на то, чтобы достичь приемлемого компромисса с конгрессом и добиться, наконец, принятия проекта административной реформы. Новый компромиссный вариант законопроекта о реорганизации аппарата исполнительной власти 3 апреля 1939 г., после его утверждения конгрессом, был подписан президентом. По условиям этого закона, создавалось Исполнительное управление президента, в состав которого входили аппарат Белого дома, бюджетное управление и управление планирования национальных ресурсов. Президенту было предоставлено право производить необходимые преобразования системы федеральных агентств. Правда, предложение о создании новых министерств было отвергнуто конгрессом. Но все же закон 1939 г. предусматривал создание таких новых структур президентской власти, как федеральные агентства общественных работ и ценных бумаг, которые на постоянной основе должны были руководить осуществлением различных социально-экономических программ, принятых ранее в рамках чрезвычайного законодательства. Таким образом, хотя проект административной реформы, предложенный в 1937 г. правительством Рузвельта, и не был полностью осуществлен, закон 1939 г. о реорганизации исполнительной власти все же создавал необходимую административно-правовую базу для

закрепления и институционализации либеральных социально-экономических реформ Нового курса.

В 1939 г. рузвельтовская администрация и ее либеральные сторонники в конгрессе предприняли ряд мер противодействия натиску консервативного блока. Либералам удалось помешать попыткам консервативной ревизии закона Вагнера. Они добились также принятия ряда поправок к закону 1935 г. о социальном страховании, которые несколько увеличили размеры пенсионного обеспечения и включили в число получателей пособий нетрудоспособных членов семей пенсионеров и отдельные категории сельскохозяйственных рабочих.

Тем не менее в 1939 г. Соединенные Штаты все же вступили в период замедления либерального социального реформаторства. В определенной степени это было результатом усилившегося противодействия рузвельтовскому курсу со стороны влиятельных групп корпоративного бизнеса и консервативной оппозиции в конгрессе. В конце 30-х гг. действия консерваторов стали более эффективными. Дело в том, что во взглядах ряда видных лидеров республиканской партии в 1938-1939 гг. появились первые ростки так называемого "нового республиканизма", сторонники которого уже не отвергали в принципе необходимость государственного регулирования, но предлагали решительно сократить его масштабы, перенести его с федерального уровня на уровень штатов и сосредоточить усилия регулирующих органов не на расширение социальных реформ, а на ужесточение контроля за деятельностью профсоюзов и других массовых общественных организаций. Так уже в конце 30-х гг. были сделаны первые шаги в развитии идеологии неоконсерватизма - консервативной альтернативы неолиберализму как либеральному варианту государственного регулирования экономики и социальных отношений.

Но главной причиной, обусловившей изменение приоритетов в политике правительства Рузвельта в 1939 г., стало резкое обострение международной обстановки и нарастание угрозы второй мировой войны. Это привело к тому, что на первый план в политической жизни США выдвинулись вопросы внешней политики.

* * *

Период Нового курса, охватывавший 1933-1939 гг., стал начальным этапом превращения американского общества в государственно-регулируемое и социально-ориентированное общество. Государственное регулирование экономики стало с этого времени постоянной чертой экономической структуры. Началось и создание разветвленной социальной инфраструктуры американского общества, что впервые в истории США позволило приступить к практической реализации принципа государственной защиты социальных прав граждан.